

РЕЦЕНЗИИ

Соотношение интернационального и национального в общественно-политической терминологии восточнославянских языков. Отв. ред. Панько Т. И. — Львов: Вища школа, 1984. 202 с.

Монографические исследования общественно-политического словаря (лексики, терминологии, фразеологии) восточнославянских языков, как монокорпусные, так и диахронные, построенные на материале одного языка или нескольких близкородственных, — явление для нашего языкознания почти уникальное. За исключением немногих диссертационных работ, посвященных изучению отдельных групп слов в непродолжительные хронологические периоды и на довольно ограниченном материале, и немногочисленных статей, написанных, как правило, теми же авторами, мы не располагаем другими научными разысканиями по общественно-политическому словарю. Поэтому вполне справедливо замечание ответственного редактора и автора первой части рецензируемого труда Т. И. Панько, что на современном этапе развития общественно-политической терминологии (далее — ОПТ) созрела задача перехода от исследования отдельных ее граней к созданию работ, обобщающих лексикографический материал и опыт в изучении отдельных вопросов формирования словообразовательных моделей и парадигматической организации ОПТ русского, украинского и белорусского языков. Одним из первых шагов в решении поставленной задачи и следует рассматривать названное исследование.

На наш взгляд, рецензируемая работа представляет жанр переходный от тематического сборника к монографическому исследованию. Жанровые особенности во многом обусловили и ее специфику.

Книга состоит из четырех частей, каждая из которых, за исключением первой, написана несколькими авторами.

В первой части — «Интернациональная сущность и национальная специфика общественно-политической терминологии» — Т. И. Панько совершенно справедливо называет в качестве важнейшего момента общественно-политического термина его идеологическую сущность. Предлагаемое автором определение ОПТ как «отграниченное (но открытое), взаимосвязанное

противоречивым взаимодействием конкретное единство терминов — слов и словосочетаний в системе литературного языка, выражающее систему понятий общественных наук, определенных с позиций четкой идеологической концепции» (с. 21), свидетельствует о том, что проблему определения ОПТ все-таки нельзя считать решенной. Если ни у кого из исследователей не вызывает сомнения роль идеологии в содержательной сущности ОПТ, то ее лингвистическая квалификация остается во многом неопределенной, что своеобразно сказывается на наименовании ОПТ и общественно-политической лексики (ОПЛ): идеологически связанная лексика [1], социально- и идеологически-оценочная лексика [2]. Очень важно, что идеологическую сущность слов общественно-политического содержания (терминологии, лексики, фразеологии) автор отразил на уровне их дефиниции.

В рецензируемой работе отмечается, что «специфика общественно-политической терминологии проявляется прежде всего в идеологемной сущности ее компонентов» (с. 18). Что означают неоднократно употребляемые в работе слова *идеологема*, *идеологемный*, *идеологема термина*, *идеологемная полисемия* (с. 26—28), определить непросто. Если под этими употребленными понимаются образования от термина «идеологема», используемого, в частности, лингвистом из ГДР А. Нойбертом при исследовании лексики политических текстов [3], то следовало бы дать соответствующее разъяснение.

Учитывая, что в настоящее время не существует общепринятого определения ОПТ и ОПЛ, думается, следовало хотя бы кратко остановиться на понимании ОПЛ другими авторами. Объем и жанр монографии позволяли это сделать. Заметим: в работе дается определение ОПТ, а не ОПЛ. И оно вполне соответствует реализации замысла автора первой части. Однако в монографии рассматривается ОПТ — ОПЛ и как коннотативная социально-оценочная категория (III часть, § 2), что, по-видимому, предположало оп-

ределение понятия оценочность и ее разновидности (социальная, идеологическая) как связующих базисных терминов.

Во второй части — «Формирование и функциональное развитие общественно-политической терминологии восточнославянских языков» — во многом интересен, но не бесспорен § 1 («Приоритет русского языка в формировании общественно-политической терминологии восточнославянских языков», написанный Т. И. Панько). В двух других параграфах рассматриваются особенности формирования и становления украинской и белорусской ОПТ.

Еще в первой части монографии отмечалось постоянное влияние ОПТ русского языка, который первым в истории славянской ОПТ выработал цельную систему терминов для обозначения марксистских понятий, на формирование ОПТ украинского и белорусского языков (с. 15). В § 1 второй части указываются источники восточнославянской ОПТ. Это прежде всего — лексика общелитературного языка общевосточнославянского происхождения, относящаяся ко времени Киевской Руси, под которую «подведены четкие дефиниции, включающие максимум необходимых признаков содержания соответствующих общественно-политических понятий» (с. 41).

Начало формирования восточнославянской терминологии марксистско-ленинской идеологической концепции Т. И. Панько относит к 60-м годам XIX в., когда в России начинается «распространение марксизма, а значит, и марксистских понятий...» (с. 38). Нам представляется, что следует более подробно остановиться на особенностях и этапах формирования и распространения марксистской терминологии в русском языке.

Начальный (точнее, ознакомительный) этап формирования русской марксистской терминологии являются 60-е годы XIX в., когда (как принято считать) М. Бакуниным был сделан первый русский перевод «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. По мнению Т. И. Панько, даже не совсем удачный перевод «Манифеста» (это касается и ОПТ) имел, «несомненно, большое значение в формировании русской терминологии марксизма» (с. 47). Данный тезис в работе недостаточно обоснован, и остается неясно, как несколько экземпляров «несовершенного» женеевского перевода «Манифеста» М. Бакунина, попавших в Россию [4], с его окрашенной в цвета народнической идеологии ОПТ, могли иметь «большое значение в формировании русской терминологии марксизма»? Говоря о роле первого русского перевода «Манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса в формировании русской терминологии мар-

ксизма, мы должны помнить указание В. И. Ленина о том, что «русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа „Освобождение труда“). Но течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-х годов прошлого века, когда началась „волна“ марксистской литературы в России и социал-демократического рабочего движения» [5].

Начальный (ознакомительный) этап формирования русской терминологии марксизма совпал с господством народнической идеологии в истории революционного движения России. «Нужно... различать так называемый интеллигентский уровень идеологии и массовый. Это особенно важно сделать по отношению к истории русского освободительного движения и русской революционной мысли, поскольку здесь единство теорий и убеждений долгое время поддерживалось на уровне идей узкого круга народнической интеллигенции» [6]. «Интеллигентский уровень идеологии» соответствует интеллигентскому же уровню в развитии той ОПТ, которой она пользуется. По-видимому, из этого следует исходить при оценке значения языка первых русских переводов работ К. Маркса и Ф. Энгельса, его влияния на развитие ОПТ марксизма в русском языке. И вряд ли можно согласиться с тем, что к концу XIX в. в основном сформировалась система русских терминов марксизма (с. 53). Только в трудах В. И. Ленина получили современную трактовку важнейшие термины, составившие ядро марксистско-ленинской терминологии: *крестьянство, мелкая буржуазия, народ, диктатура пролетариата* и многие другие. Основными источниками такой терминологии являются труды К. Маркса и Ф. Энгельса, достигшая своего расцвета русская публицистическая лексика, народно-разговорная речь. Процесс формирования, становление, освоение русским языком марксистско-ленинской ОПТ происходит в течение всего периода 1893—1923 годов, называемого ленинским [7].

Третья часть рецензируемого исследования «Особенности парадигматических отношений в общественно-политической терминологии современных восточнославянских языков» — написана несколькими авторами. Она посвящена выяснению системных отношений внутри общественно-политической лексики. Анализируя работы советских исследователей, посвященных изучению ОПТ (И. Ф. Протченко и др.), авторы приходят к объективному выводу, что «ОПТ образует не строго замкнутую терминологическую систему, а систему более свободных лексических единиц..., ядро [ко которой. — Г. А.] состав-

ляют термины» (с. 110—111). Системные отношения ОПТ и ОПЛ (эти понятия в данном разделе уже четко не различаются) рассматриваются на уровне семантического поля «социальных отношений», которые моделируют ситуацию отношений между людьми, группами людей, общественно-политическими институтами и т. д., лексико-семантических групп (ЛСГ) и более мелких группировок — синонимов, антонимов, гиперонимов, конверсии и др. (с. 113).

В § 2 третьей части («Коннотативное социально-оценочное значение в сфере общественно-политической терминологии») центр внимания переносится на ту часть лексики и терминологии, которая имеет выраженную социальную или социально-идеологическую коннотацию. Исследуемый материал анализируется на сингификативном и коннотативном уровнях, выявляются некоторые системные отношения внутри лексики и терминологии, пути возникновения идеологической и социально-идеологической коннотации. Очень ценно стремление авторов выявить имеющиеся элементы системности в семантической структуре слов общественно-политического содержания и классифицировать их в терминах семантики и логики. Но это же стремление приводит и к некоторым неприемлемым выводам. В монографии утверждается, что под влиянием социально-классовой оценки «создаются условия, при которых на основе противоположности мировоззрений и идеологии происходит раздвоение семантической основы ОП одноклассных слов, возникает явление энантиосемии...» (с. 163). В доказательство приводятся примеры заимствованных из русского языка слов *совет*, *большевик*, *советский*, в толковании которых английскими словарями скрывается чуждая советским людям идеология (с. 163). Но разве различная идеологически-классовая оценка, действительно вызывающая семантическое раздвоение слов, приводит к энантиосемии, т. е. появлению у слов противоположного значения? Какие противоположные языковые значения у слов *большевик*, *совет*, *советский* и многих других, по-разному определяемых в словарях и публицистике враждебных идеологических направлений? И если в словарях и публицистике, ориентированных на буржуазную идеологию, приводятся прямо противоположные определения слов и терминов, имеющих в соответствующей литературе, ориентированной на идеологию марксизма-лени-

низма, то это их социально- и идеологически-классовые варианты с присущей идеологической оценочностью, а не сосуществование энантиосемичных значений внутри семантической структуры слова.

В четвертой части — «Взаимосвязь интернационального и национального в словообразовательной структуре общественно-политической терминологии» — исследуются основные способы образования ОПЛ и ОПТ. Материал этой части подтверждает вывод, что «терминологическая лексика современных восточнославянских языков образуется при помощи таких же способов словообразования, что и лексика общелитературного языка» (с. 175).

Рецензируемый труд показывает, что проблема изучения ОПТ и ОПЛ восточнославянских языков остается по-прежнему актуальной. Заслуга авторов в том, что эта работа поставлена на новый лингвосоциологический уровень. Отмеченные спорные и нерешенные вопросы несколько не умаляют достоинств рецензируемой монографии. Вместе с тем они послужат дополнительными стимулами для дальнейших исследований.

Голованевский А. Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крючкова Т. Б. К вопросу о многозначности идеологически связанной лексики. — ВЯ, 1982, № 1.
2. Голованевский А. Л., Кондрашов Н. А. О принципах исследования общественно-политической лексики. — В кн.: Проблемы лексики и словообразования русского языка. М., 1982.
3. Нойберт А. К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской содиоллингвистики. — В кн.: Актуальные проблемы языкознания ГДР. М., 1979, с. 62—68.
4. История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. Т. 1. М., 1964, с. 48.
5. Ленин В. И. Карикатура на большевизм. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 405.
6. Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973, с. 124.
7. Денисов П. Н. О теоретических проблемах Словаря языка В. И. Ленина. — В кн.: Проблемы лексикографического анализа языка произведений В. И. Ленина. М., 1984, с. 13.